

«У МЕНЯ ЕСТЬ КУРАЖ!»

СВОЙ ЮБИЛЕЙ — 85 ЛЕТ — НАРОДНЫЙ
Артист Владимир Зельдин
ВСТРЕТИЛ ПЕСНЯМИ И ПЛЯСКАМИ

Владимир Зельдин, конечно же, более всего известен зрителям по фильму «Свинарка и пастух», где он сыграл романтическую роль кавказского пастуха. Его партнершей была знаменитая Марина Ладынина. Снимался вместе с ней Владимир Зельдин и в следующей картине режиссера Ивана Пырьева «Сказание о земле Сибирской». Потом замечательно сыграл главную роль в «Учителе танцев». Были и другие фильмы, например, «Дядя Ваня» Михалкова-Кончаловского, «Десять негрят» Говорухина. Но, разумеется, главным для него всегда был Театр Советской Армии, где он недавно блестяще сыграл в спектакле «Приглашение в замок», а в свой юбилей вышел на сцену в роли грузинского князя в спектакле «Ханума», где, как и прежде, замечательно поет и танцует. В эти дни Владимир Зельдин был представлен к ордену «За заслуги перед Отечеством», который ему вручат 23 февраля.

— Владимир Михайлович, в фильме «Свинарка и пастух» вы скачете на лошади, поете, в спектакле «Учитель танцев» танцуете и поете. В новом спектакле «Ханума» тоже поете и танцуете. Считаете ли вы, что каждый актер должен быть универсален?

— Конечно. Сейчас я занят в нескольких постановках. Нагрузка большая — в месяц десять — двенадцать спектаклей. И я ее выдерживаю. Мне помогает моя спортивная подготовка. Для того, чтобы в спектакле «Учитель танцев» петь и танцевать, понадобилась соответствующая тренировка. Надо было быстро восстанавливать дыхание после танца, чтобы произносить монологи или петь. Конечно, я много двигался, занимался балетным станком. Эту роль я получил в начале творческого пути, и пьеса тридцать лет не сходила со сцены. Я сыграл тысячу спектаклей. Последний из них — в шестьдесят лет. Сейчас мне во-

семьдесят пять, но я стараюсь больше двигаться, ходить пешком, меньше пользоваться машиной, петь и танцевать на сцене.

— Как вас нашел Пырьев для съемок фильма «Свинарка и пастух»?

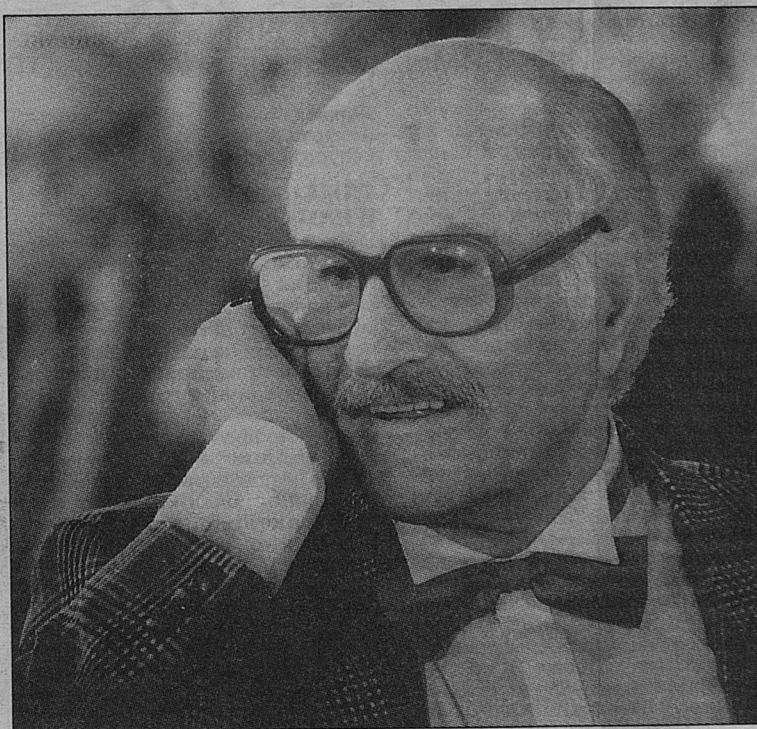
— Я играл в Театре транспорта в пьесе «Гениальный консул» рядового Гоглидзе, грузина. Ассистент Пырьева увидел меня в этой роли. Когда я прочитал сценарий, то понял, что эта роль — моя. Мне очень хотелось ее сыграть, но у меня были серьезные конкуренты — настоящие грузины. Мне нарисовали брови, надели папаху — я стал похож на грузина. И меня утвердили. Видимо, у меня были такие качества, как чистота, музыкальность. А для такого романтического фильма это было необходимо... Фильм начинали снимать до войны, в мирное время, и когда война началась, мы думали, что картину закроют. Но пришло постановление продолжать съемки. Работали по две смены, во время бомбежек уходили в убежище. Потом продолжали снимать. Было тяжело. Но мы все были преисполнены энтузиазма. Темперамент и энергия смелого режиссера Пырьева тоже воодушевляли нас. Съемки в горах проходили в довоенное время. На Домбае была великолепная натура, снимали около пяти тысяч овец. А для езды на коне мне оченьгодились занятия в кавалерийской школе. Фильм был моим дебютом и остался в памяти на всю жизнь. Зрители до сих пор не забывают и любят эту картину. Когда фильм впервые вышел на экраны, у нас даже премьеры не было, картину сразу повезли на фронт. И там она прошла с большим успехом.

— Вы из-за актерской профессии решили заниматься в кавалерийской школе?

— Мне вообще нравился спорт: плавание, лыжи, верховая езда. Вместе со мной в кавалерийской школе занимался и сын Иосифа Сталина — Василий (ему было всего семнадцать лет), и сыновья Микояна.

— Вы дружили с Василием Сталиным?

— Общались. Он приходил в военной гимнастерке, был рыженький, веснушчатый, вел себя очень просто, хотя у него была свита. Держался уверенно, но бестактностей и грубостей никогда себе не позволял.

— В вашем Театре Российской Армии работает режиссером сын Василия Сталина...

— Да. С Александром Васильевичем мы поставили несколько спектаклей. Он у нас в театре давно и успешно работает, человек, одержимый своей профессией. Очень тонкий и ранимый, а внешне чем-то похож на знаменитого деда. Но он не был с ним близок, хотя и сживал у него на коленях.

— Владимир Михайлович, испытываете ли вы тоску по несыгранным ролям?

— Мне не удалось сыграть Ромео, Сирано де Бержерака, Арбенина — все роли романтического плана. Ну, что делать? Все-таки я считаю, что реализовал себя. Всего объять нельзя. Я благодарный человек. Я рад, что в одном театре прослужил пятьдесят пять лет, хотя меня приглашали и Рубен Николаевич Симон в Вахтанговский, и Михаил Царев — в Малый театр... Но я был предан армейскому театру.

— Почему?

— Я люблю армию. В свое время хотел быть морским офицером, но меня не приняли в морское училище из-за зрения.

— В вашем театре, наверное, существуют концертные бригады?

— У нас выезды в военные части, в округа постоянно. Я в Афганиста-

не был и в Чернобыле. Помню, как в прошлую чеченскую кампанию давали концерт для наших раненых солдат, привезенных из Чечни. В основном это молодые ребята, многие с ампутированными конечностями. Видишь их глаза и понимаешь, что своим искусством вселишь надежду в их сердца. Иногда мне кажется, важнее сыграть концерт перед солдатами, чем спектакль в помещении театра.

— И поэтому в такие опасные места ездили, как Афганистан и Чернобыль?

— Мы не могли не поехать. Там были наши ребята. Правда, в Чернобыле пришлось надеть маски, так как пыль попадала в горло и действовала на связки, о чем нам никто не сказал. Я это понял только во время выступления, когда стал терять голос. А в Афганистане мы жили в госпитале, нас обстреливали. Война есть война.

— Вы много проводите встреч со зрителями?

— Немало. Зрителю нужно предъявить то, что умеешь делать. У меня есть еще кураж, желание, азарт внутренний. Я, как лошада скаковая: когда слышу третий звонок, с трудом сдерживаю себя, волнуясь. Всегда чувствую контакт со зрителями. Зал может направлять актера: рождение спектакля, роли

происходит непосредственно при общении со зрителями. Наша школа переживаний отличается от Западной школы представлений. Западный актер может сыграть такую сложную психологическую роль, как Гамлет, дважды в день. Наш — нет, потому что подключает душу, нервы, расходует себя. Для него два раза в неделю сыграть Гамлета — предел. Моя душа, мои нервы — мой инструмент.

— Вы очень музыкальны. Это семейное?

— Отец был музыкантом, хорошим дирижером. Он закончил Московскую консерваторию, а я — Музыкальное училище имени Гнесиных. Сестры мои играли на виолончели и фортепиано. В семье всегда звучала музыка. Папа водил меня в консерваторию. Когда он умер (а родители рано ушли из жизни), я стал играть на трубе в оркестре.

— Вы по натуре человек коллектива?

— Я был в театре в профкоме, многим помогал — кому с квартирой, кому с денежным пособием... Друзей у меня много, но мне кажется, что человек в сущности своей одинок. И самый мой близкий человек, мой друг — жена Иветта Евгеньевна Капралова. У нее прекрасное образование. Она помогает мне и в творчестве своими советами.

— Но тем не менее вы сказали об одиночестве. Почему?

— Думаю, что это нормально. Иногда приходит мысль о смерти, она становится частью твоего существования. И не потому, что боишься, а пересматриваешь свое отношение к жизни, к людям, к тому или иному поступку. Тут в тебе пробуждается философское начало, вспоминаешь, что не все вечно на земле. Какие-то конфликты, неприятности перестают иметь значение. Эта позиция помогает в жизни, позволяет быть лучше, лучше относиться к людям. Хотя, может быть, в силу возраста, стал сентиментальным. Все время хожу с «синяком» на сердце, потому что события в нашей стране беспокоят меня.

— Вы носите перстень с печаткой. Это талисман?

— Здесь изображена лира. Не знаю, талисман ли это, но когда я попадаю в какие-то непредвиденные ситуации, кто-то будто помогает мне, предостерегает.

— А «синяк» на сердце?

— Как беспокойно на душе. Добрее нужно быть, добрее. Умнее нужно быть, умнее, да мало времени уже...

— Чье это?

— Даже не помню, кто это написал. Но мне жаль, что столько гибнет людей. Столько коммерции, денег... Не это главное в жизни. Мало духовности!

Беседовала Надежда РЕПИНА